ПРОЛОГ

Стелла Паркер никогда в жизни не сжигала книгу. Никогда не бросала в огонь страницы текста — тем более написанные от руки любовные послания и стихи. Но все же сейчас она намеренно поджигала одну из самых драгоценных вещей в своей жизни — слова.

Струйки дыма и частички пепла ранним субботним вечером подымались из древнего дымохода и парили на обжигающем ветру. Дымок огибал углы домов, обвивал древесные стволы у тротуара Мэйн-стрит и задерживался в тенистых островках. Жителей Блю-Скай-Вэлли, Северная Каролина, которые нежданно-негаданно натыкались на пепел в воздухе, охватывала тоска. Многим хотелось поспешить домой и кого-нибудь обнять или купить дневник и записать свои мысли. Некоторые заходили в сосновый лес и блуждали там, пока утешительное птичье пение и мягкое зеленое покрывало травы под ногами не помогало справиться с болью. Никто не знал, *почему* ощущает необычные эмоции; никто не ведал, что ценой их миру и покою была сердечная боль Стеллы.

Глубоко в недрах городской библиотеки, где пыль танцевала в полосках света, а стены гудели энергией миллионов историй, слова, которыми пожертвовала Стелла, не просто исчезли — они всегда будут принадлежать этому городу, его магии, невидимой силе, объединявшей Блю-Скай-Вэлли. И пока пепел таял в лучах заката, библиотека слушала в ожидании, зная, что каждая история — особенно освобожденная — найдет свой путь домой.

ГЛАВА 1

Стелла завороженно смотрела, как ярко-оранжевое пламя расходится в старой печи. Огонь жарко пылал в центре, выкрашивая черным края бумаги и жадно пожирая все в пределах стальных стенок. Раздраженная и уставшая от сердечной боли, Стелла ждала, пока пройдет спазм в области солнечного сплетения — в той точке чуть ниже ребер, где болело каждый раз, когда что-то было *не так*. Однако пока что дискомфорт лишь усиливался.

Даже когда она наблюдала, как горит ее дневник вместе со всеми написанными за последние месяцы словами, у нее чесались пальцы от желания записать это событие. В деталях запечатлеть, как испятнанные чернилами страницы скручивались в огне, мелкие частички бумаги взлетали с потрескиванием в раскаленный воздух и танцевали в нем, прежде чем окончательно сморщиться.

Семя вины росло глубоко в животе, превращаясь в нечто шипастое и спутанное. Желудок Стеллы сжался, когда три золотых мерцающих слова поднялись из огня и выскользнули из стальной пасти печи. Они сияли на фоне темного металла, как звезды на полночном небе. **Сдаться. Заново. Прощение.**

Это дневник прощал ее? Или слова говорили, что она должна простить? Но кого? Не *его*. Он не заслуживал ее прощения. Морщинки между нахмуренными бровями Стеллы стали глубже. Разве «сдаться» не означало «отказаться»? А от чего еще ей было отказываться? Как будто жизнь и так

не потребовала отказаться от слишком многого. Светящиеся слова растворились в темноте подвала.

Стелла знала, что всегда будет какой-то новый дневник. Потому что не было столько бумаги, не было столько *места*, чтобы выплеснуть все слова: царапавшиеся, выскакивающие, прокладывающие путь из ее сердца. Не было конца пятнам чернил на ее пальцах и фразам, ползущим по стенам. Она всегда будет видеть слова, скользящие по полу и прокрадывающиеся в ее комнату по ночам как лучшие друзья, стремящиеся составить компанию.

Сколько себя помнила, Стелла воспринимала слова так же, как другие видят порхание птиц или полет стрекозы в камышах. Она видела их всюду. Еще с тех пор как ей подарили первую упаковку цветных карандашей, она заполняла свободные места всеми словами, какие были у нее на сердце. Стелла собирала слова и стихотворения и переносила в тетради. Она рисовала карты из слов цветными чернилами в дневниках и добавляла особые подписи к фотографиям в семейном альбоме, когда видела слова, плывущие над ними. Она бегло записывала имена людей и слова, которые следовали за ними, как любимые питомцы. Делала заметки о местах по всему городу и обо всех словах, живущих там, даже о жутковатых и блуждающих, которые иногда замечала, вроде «гнетущий», «зачарованный» и «призрачный».

Когда Стелла была маленькой, мать поощряла ее делиться словами, настаивая, что ее талант — фантастический дар, который приведет дочь к мечтам. Желая особого внимания и угождая ей, Стелла хранила, писала и лелеяла слова. Но после того как мать ушла, мысль, что слова позволят Стелле исполнить мечту, показалась ужасной шуткой. В каких мечтах матери уходят? Стелла попыталась игнорировать слова. Хотела отказаться от их желания быть пойманными и любимыми.

Однако она быстро поняла, что у нее нет выбора. Она не могла пренебречь словами. Не могла помешать их появлению или удержать внутри. Порой слова были похожи на рой раздраженных пчел, живущих в ее теле, и, чтобы выпустить их ярость, ей приходилось писать. Она боялась, что может

взорваться, если не выпустит их, не даст им новой жизни на страницах. Что, если она оставит их запертыми, а потом задохнется под их творческим весом?

Порой слова были нежны и мягки, как гусиный пух, парящий внутри. В такие дни она чувствовала себя легкой и радостной — и ее ручка скользила по страницам, как вода по руслу реки. Она научилась обращать на слова достаточно внимания, чтобы собирать их в надежде, что рано или поздно они перестанут появляться, когда она повзрослеет.

Этого так и не произошло, и сегодняшнее раздражение жалило ее. Почему сожжение — буквальное — прошлого не успокаивало? Почему она не могла сжечь слова, *эмоции* так же легко, как пламя уничтожило бумагу?

Может, она была излишне драматична. Так сказал бы ее старший брат Перси, как обычно дразня ее, но, скорее всего, в его шутках крылась изрядная доля правды. Там, где Стелла была эмоциональна, Перси оставался уравновешенным. Там, где ее могло парализовать от тахикардии, Перси выглядел бесконечно спокойным и безмятежным.

Огонь затрещал, и улыбающееся лицо Уэйда Хейнса всплыло перед ее мысленным взором. Девушка стиснула зубы. В последний раз она видела его, когда он вышел из ее квартиры полгода назад. Он оставил после себя удушливое ощущение неудачи, чек из фастфуда, заляпанный жирными отпечатками пальцев его детей, и два простых обугленно-черных слова: **проводить время**. Она полностью погрузилась в эти отношения, веря, что оба влюблены. Но то, как он ушел и больше даже не пытался с ней связаться, доказывало, что нельзя было ошибиться сильнее. Простая истина, что с ней он просто *проводил время*, наполняла ее стыдом и яростью одновременно.

Чувство отверженности все еще жгло, будто она проглотила крапиву. Стелла заполнила дневник буквами и стихами, которые никогда не показала бы — *не могла* показать Уэйду. Теперь, месяцы спустя, в годовщину их первого свидания, в ее желудке бурлили две чашки переслащенного кофе. Она встала на колени перед печкой в подвале библиотеки и проверила температурную гипотезу Рея Брэдбери. Правда ли

бумага начинает гореть при 451 градусе по Фаренгейту? Однако доказать или опровергнуть заявление автора у нее не было никаких шансов. Древний термометр не показывал больше 250 градусов — 120 по Цельсию. Ее гипотеза казалась гораздо важнее: сможет ли она освободиться, если сожжет слова, вдохновленные Уэйдом?

Ответом было «нет».

Она хотела выжечь память об Уэйде из своего сердца, обратить в пепел, который можно смести и выкинуть в мусорку. Но вместо этого на поверхность всплыло воспоминание об Уэйде и ее смехе. Затем перед мысленным взором предстал день, когда они встретились в национальном парке, он заключил ее в объятия и закружил в воздухе. В другой раз он пытался вальсировать с ней в художественной галерее и они чуть не снесли фарфоровую вазу. Позже, когда они ходили в кино, то сидели на заднем ряду, как подростки, и он все время целовал ее. Потом она вспомнила день, когда он прислал десяток разных хайку о его любви к ней и о том, как они будут навсегда связаны.

— Хватит! — выплюнула она и зажмурилась, словно это могло остановить шквал воспоминаний.

Ее плечи поникли. Они с Уэйдом были счастливы. *Действительно* счастливы — пока это не прекратилось.

Стелла взглянула на печь. Слова и книги оставались тем немногим, что понимало ее. Сколько раз она хотела исчезнуть в тексте романа? Будут ли теперь тысячи книг в библиотеке над ее головой скандировать слово «убийца»? Сможет ли она пережить уколы их неодобрения, их осуждения? Теплые слезы бессилия проложили мокрые дорожки по ее щекам. Капли, тяжелые от тоски, падали на пол, а под ногами волнами разочарования колебалась земля.

— Простите, — прошептала Стелла, когда тонкая обложка дневника съежилась в печи.

Лист бумаги, обугленный и хрупкий по краям, поднялся на волне жара и поплыл к дверце печи. Стелла поймала его двумя пальцами. Дыры от огня, похожие на пробоины от пуль, перекрывали некоторые слова, но она помнила белый стих:

Небо было бесконечно,
Тишина – глубока.
Солнце село за деревья,
И я не пыталась ему помешать,
Лишь смотрела и дрожала
На ветру,
Без тебя.
Я люблю тебя той любовью,
Что ранит.
Безрассудной, упрямой, своевольной.
Я обнимаю себя:
Спасибо ребрам – клетке для сердца,
Без них я бы не удержала его,
Как никогда и не могла.
Я люблю тебя той любовью,
Что накрывает меня
Как прилив
И отходит обратно,
Забирая все из моих рук,
Даже тебя.

Стелла вздохнула. Почерневшая бумага крошилась по краям и падала на пол, словно крылышки умирающих бабочек. Стелла снова опустилась на колени перед печью, вернула стихи в пламя и посмотрела, как они превращаются в пепел.

Дверь над лестницей в подвал открылась, залив потертые ступени золотым светом.

— Стелла?

Она вскочила на ноги, вытерла мокрые щеки и захлопнула дверцу печки, обжигая кончики пальцев. Пламя шипело и вспухало в своей металлической клетке. Стелла потрясла рукой, пытаясь охладить пальцы, и поморщилась.

— Сейчас поднимусь, — отозвалась она.

Несколько ступеней скрипнули, когда Арнольд Коэн, главный библиотекарь, спустился до середины лестницы:

— Мне стоит спрашивать, зачем ты топишь печь? Не удивляйся. Несколько окон открыто, и такое ощущение, что в исторической секции работает генератор дыма.

Стелла взглянула на печь, а потом поднялась навстречу Арни по лестнице и откашлялась:

— Я проверяла гипотезы.

Он поднял густые седеющие брови:

— И?

Стелла вцепилась в перила и заставила себя подняться еще на несколько ступеней. Старое дерево стонало в унисон ее сердцу.

— Результаты разочаровывают.

Темные, глубоко посаженные глаза Арни наблюдали, изучали ее сквозь стекла очков.

— Прошлое не сжечь.

Стелла крепче перехватила перила. Затылок жгло, будто угли прилипли к коже. Ее выдох задрожал в воздухе между ними, идя волнами.

— Тогда жаль, что нет лопаты, чтобы его закопать.

— Если бы ты выбрала легкий путь, чему бы научилась? Ничему.

Стелла нахмурилась:

— И чему же я научилась, Арни?

— Как в следующий раз иначе обращаться с сердцем. — Он повернулся и пошел по ступеням наверх. — От меня не укрылось, что ты ушла сюда с дневником, а возвращаешься без него. Полагаю, ты хочешь, чтобы я сохранил в секрете от книг наверху, что ты предала огню одну из их родственниц.

Стелла пошла за ним, на ходу выключая свет в подвале. Трепещущее мерцание скользнуло по потемневшему бетону пола и привлекло ее внимание. В сгущающихся тенях сформировались слова. **Прощай. Забудь. В следующий раз.** Не будет никакого *следующего раза* для ее сердца. Насколько Стелла понимала, оно мертво — бесполезная штука, занимающая место в груди. А затем она заперла дверь в подвал.

* * *

СТЕЛЛА ОТКРЫЛА публичную библиотеку Блю-Скай-Вэлли в то утро, не представляя, что днем прокрадется вниз, чтобы сжечь свой дневник. Но после обеда к ней зашла посетительница. Пожилая женщина, лет за шестьдесят, приблизилась к Стелле, сидевшей за абонементным столом. Посетительница искала книгу о самоподдержке, в частности с советами, как отпустить прошлое. Когда они вместе пришли в нужную секцию, Стелла показала несколько подходящих книг, но женщина какое-то время просто молчала.

— Могу еще чем-нибудь помочь? — спросила Стелла, ощущая ее колебания.

Внезапные слезы удивили девушку, но не так, как последовавшие за этим слова:

— Не поступайте так, как я.

Фраза была слишком обтекаемой и указывала на что угодно. Женщина с равным успехом могла убеждать Стеллу не пользоваться оранжевой помадой и не грабить местный банк.

Посетительница продолжила:

— Не тратьте свою жизнь на восстановление прошлого. Он сбежал от меня двадцать лет назад ради «любви всей своей жизни», и знаете, как я провела эти самые двадцать лет? — Стелла покачала головой. — В гневе, в горечи — как угодно. Посмотрите на меня теперь! — Она заговорила громче, чем принято в библиотеке. — Усохшая, вот какая я.

Женщина вытерла слезы и выдавила улыбку, в которой было больше боли, чем естественности. Потом взяла с полки одну из книг о самоподдержке и провела ладонью по обложке:

— Я в пути, в поиске себя. Всего час назад я осознала, что носила его с собой повсюду, удерживая все, что он сделал со мной, в своем теле как ужасную болезнь. Снова и снова я переживала прошлое. А он все это время ехал со мной на пассажирском сиденье. Метафорически говоря, разумеется.

Женщина похлопала Стеллу по руке:

— Послушать меня — так может показаться, что меня оставил рассудок. Нет, я планирую оставить *его*, поэтому я здесь и собираюсь начать с этой книги. — Она протянула Стелле

выбранное издание. — Не поступайте как я. Не цепляйтесь за то, что приносит боль.

Эти слова эхом отзывались в ушах Стеллы еще долго после того, как она выписала книгу, а женщина покинула библиотеку. Только во второй половине дня девушка осознала, что у нее в сумочке лежит дневник. И это заставило ее признать, что она носила с собой память о Уэйде *месяцами*. Как ярмо на шее.

Будет ли она все еще цепляться за Уэйда двадцать лет спустя? Этот вопрос заставил ее сжечь дневник в попытке вместе с ним спалить и память о прошлом. Она преуспела только наполовину: с ней осталось лишь нарастающее чувство раскаяния.

В этот вечер оставаться в библиотеке до закрытия не было смысла. Арни попытался отправить Стеллу домой пораньше. Во второй половине дня к ним зашли всего два человека, и каждый оставался меньше часа. Поскольку на вечер не планировалось ничего особенного, Арни мог справиться и сам, но у девушки не было настроения сидеть дома.

Она не смогла бы просто отдыхать, а стала бы страдать о том, почему у нее не получилось выжечь из сердца память об Уэйде. Потом наверняка пришла бы вина — скорее всего, на пару с сожалением — по поводу сожженного дневника. Нет, ей лучше всего побыть в библиотеке как можно дольше, а потом вернуться домой, упасть лицом вниз на кровать и не думать вообще.

Стелла работала помощницей библиотекаря последние четыре года, так что привычная вечерняя рутина далась ей легко. В девять вечера она попрощалась с Арни, взяла стопку книг, которые планировала прочесть в следующую пару недель, и понесла их к парковке за библиотекой. Стелла была человеком привычки и каждый день ставила машину на одном и том же месте. Первый ряд, четвертый номер, справа от выхода из библиотеки.

Благодаря вековому дубу днем это место оставалось в тени, что помогало кожаным сиденьям не превратиться в лаву после целого дня на южной жаре. Много лет назад, когда город асфальтировал парковку рядом с библиотекой, местный Львиный клуб отстоял древнее дерево. Теперь огромный дуб рос в окружении черного асфальта. За годы его огромные корни

вспучили дорожное покрытие и пустили по нему трещины, как на пережаренном хот-доге, создав природных «лежачих полицейских» по всей парковке.

По дороге к машине Стелла перепрыгнула через слова, которые выскользнули из трещин в асфальте. **Uno, due, tre, quattro, cinque.** Она покосилась на верхнюю книгу в стопке: англо-итальянский словарь. Девушка поставила себе новую задачу — выучить итальянский настолько, чтобы читать «Рифмы» Микеланджело* в оригинале. Пока что она умела считать до десяти, знала несколько расхожих приветствий и могла заказать gelato al pistacchio**. По сути, словарный запас любого итальянского дошкольника был богаче.

Девушка положила книги на пассажирское сиденье и в тишине поехала по центру. Со времен детства Стеллы в Блю-Скай-Вэлли изменилось немногое, и сегодня предсказуемая рутина успокаивала ее. Многие из городских огней начали меркнуть, пока она проезжала мимо. Владельцы лавок запирали двери на ночь, переворачивая таблички стороной «Закрыто» и выключая свет внутри. Другие, наоборот, включали его, привлекая тех, кому была интересна ночная жизнь, не особо бурная в маленьком городке. В историческом центре было не так много занятий — разве что искать утешение в пабе на углу или за ужином в кафе «У Бруно».

На самом краю городского центра стоял кинотеатр, где хватало места для того, чтобы показывать два фильма разом. Сейчас там шло старое кино — «Бриолин» и «Челюсти» — и продавались билеты сразу на двойной киносеанс для тех, кто летним вечером хотел насладиться романтикой, за которой следовала порция ужаса при мысли о купании в океане.

---

* «Рифмы» (*итал.* Rime) — знаменитый сборник поэтических произведений великого итальянского мастера эпохи Возрождения Микеланджело Буонарроти. Хотя сам автор при жизни не издавал своих стихов, до наших дней дошло около 300 его сонетов, мадригалов и четверостиший. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания литературного редактора.*

** Фисташковое мороженое *(итал.)*.

Стелла остановила машину на тенистой дорожке, ведущей к дому ее детства, и нажала кнопку на козырьке, отпирающую дверь гаража. Алюминиевое заграждение застонало, поднимаясь и открывая почти пустое пространство, предназначенное для двух машин. Она припарковалась в середине, вышла из салона и поплелась к почтовому ящику. Вся сегодняшняя почта была ерундой, но в пачке лежали три открытки от разных риелторов. На одной из них синими чернилами была нацарапана записка: «Стелла, Перси сказал, что ты готова продавать. Позвони мне! Анита».

Стелла разорвала открытку пополам и сунула всю почту в мусорную корзину при входе. Ей хотелось позвонить Перси и сказать, чтобы он от нее отстал, но это требовало разговора, на который у нее не осталось сил. Девушка опустила дверь гаража у себя за спиной. Сунувшись в открытую дверь машины, она забрала книги с пассажирского сиденья.

Когда Стелла открыла дверь между гаражом и домом, то в который раз подумала, зачем вообще запирает дверь, скрытую за гаражной, которую снаружи вручную все равно никто не откроет. Она знала это наверняка, поскольку во время отключения электричества в прошлом месяце ее машина оказалась запертой в гараже. Даже инструкции с YouTube не смогли помочь поднять металлическую дверь, учитывая застрявший натяжной шнур. Девушке не хватило сил освободить его, и, поскольку она жила одна, никто не пришел ей на выручку. Звон одиночества эхом отозвался в ней и сейчас.

Стелла сложила книги на кухонную стойку.

— Здравствуй, дом, — сказала она, включая свет в коридоре.

Мобильный Стеллы звякнул, привлекая внимание к сообщению от ее лучшей подруги Ариэль. Девушка смотала темные кудри в неряшливый узел и, чтобы закрепить, воткнула в них карандаш, который взяла со стойки.

Ариэль переехала в Блю-Скай-Вэлли и поселилась по соседству со Стеллой на Магнолия-драйв, когда обе ходили в четвертый класс. Ариэль представилась ей в самый первый день, и Стелла сразу поняла, что они быстро подружатся. Вокруг Ариэль, как конфетти, плавали воздушные слова

надежда, **очарование** и **звездная пыль**. Как можно было не почувствовать притяжение к ней? Стелла точно ощутила.

Она подхватила библиотечные книжки и отнесла их в гостиную, раздумывая, стоит ли рассказать Ариэль о сожженном дневнике. При одной мысли о случившемся начинало ныть в животе. Но если кто и мог понять произошедшее, то только Ариэль, которая была на стороне Стеллы и в счастливые дни, и при ее душевной боли с тех пор, как им исполнилось девять.

Стелла открыла сообщение подруги: «Первая клиентка утром попросила покрасить ее пуделя в красный и подстричь под Элмо*. Я спросила, как можно подстричь пуделя "под Элмо". Она показала мне видео на YouTube, которое я не смогу развидеть. А как прошел твой день? Что в расписании на завтра?»

Стелла улыбнулась впервые за много часов, а потом ответила: «Скажи, что ты согласилась. Пришли фото. Я сегодня чувствую себя на твердую 6 по жизненной шкале». Каково было бы ощутить себя на десять по шкале удовольствия от жизни? Что бы она отдала ради того, чтобы избавиться от тяжести и найти путь к *настоящим* любви и радости? Стелла продолжила: «Завтра в библиотеке из мероприятий клуб приключений и, кажется, вязальный клуб. Какие у тебя планы на завтра? Стрижка псов под одногорбых верблюдов?»

Ариэль ответила: «Я не согласилась на Элмо. Это был бы полный собакоапокалипсис. На верблюдов тоже не соглашусь, хотя хорошим подарком меня можно и подкупить. Когда ты научишься вязать, чтобы я могла продавать на сторону свитера из собачьей шерсти? Позавтракаем завтра? Могу забрать тебя на своей красотке».

Стелла рассмеялась. Ветеринарная больница спонсировала организацию передвижной парикмахерской для собак, и Ариэль, местный грумер, каталась на ней по окрестным городкам шесть дней в неделю. Каждый раз неоново-розовый

---

* Элмо — знаменитый пушистый красный монстр из популярного детского телешоу «Улица Сезам», выходящего с 1969 года.

фургончик «Груминг без поМЕХ» вызывал улыбки у прохожих. Даже клаксон звучал как собачий лай. Стелла написала подруге, что согласна на завтрак, и они договорились, в котором часу Ариэль подъедет к библиотеке и заберет ее.

Стелла положила телефон на стойку, но он снова звякнул. Очередное сообщение от Ариэль. «Не хочешь рассказать, почему сегодня ты на 6? Мне говорили, что я умею слушать ЛУЧШЕ ВСЕХ».

От одного понимания, что Ариэль волнуется и хочет выслушать, боль слегка утихла, но Стелла пока не знала, как выразить свои чувства, так что ответила: «Спасибо, мы можем поболтать завтра 💝».

Она открыла отвратительно пустой холодильник: то, что в нем оставалось, нельзя было назвать даже перекусом. Внезапно в ее сердце возникло жжение, как будто в грудь сунули бенгальский огонь. Она отпустила дверцу холодильника и шагнула в сторону, прижимая ладонь к сердцу и сгибаясь от боли. Что это — ужасная изжога? Сердечный приступ? В мыслях Стеллы возник образ пылающего дневника. В панике она подумала: «Это за то, что я сожгла слова? Меня наказывают?» Боль опалила ее кипятком изнутри и заставила сорваться с губ тихое «о господи».

В этот момент, который вполне мог появиться в фильме «Охотники за привидениями», некая фиолетовая жидкость поднялась сквозь кухонный кафель. Проявившись полностью, она сложилась в слова. Пульсирующие буквы, темно-сливовые в центре и сиреневые по краям. Волнообразные завитки, как корни растений, отходили от букв, словно их выкопали в волшебном саду. Слова подрагивали на полу возле ее ног.

— «Случилось так», — пробормотала она, и жжение в груди мгновенно утихло. Стелла глубоко вдохнула и выпрямилась.

Слова метнулись по полу к нижнему ряду кухонных тумбочек, потом на стол, обернулись вокруг фиолетовой ручки возле одного из ее наполовину заполненных дневников и исчезли.

Шокированная и слегка испуганная, Стелла стояла и смотрела на ручку, массируя грудь. Слова еще ни разу не были настолько требовательными, настолько полными силы. А еще

она ни разу не видела, чтобы они появлялись так. Слова были иными — более живыми, более вещными, чем когда-либо.

Стелла подошла, взяла фиолетовую ручку и открыла дневник на чистой странице. Ей не нужно было задаваться вопросом, чего они хотели. Слова *хотели* быть записанными. Но почему? Что они значили? На самом верху чистой страницы она написала: «Случилось так».

Случилось как? Стелла подумала о десятках вещей, которые произошли с ней за последний год. Она впадала в отчаяние, безнадежность, с ней приключилась фальшивая любовь. Еще бывали приступы интереса к книгам, совместный смех с Ариэль и молчание при виде заката.

Девушка уставилась на фиолетовые слова на бумаге, и между ее бровей залегла глубокая морщинка. Когда она закрыла дневник, вверх по ее рукам пробежала дрожь. Отчасти она хотела отмахнуться от нового опыта со своими любимыми словами, сказать себе, что это ерунда. Но вновь положила руку на сердце и поняла, что это не просто слова. У них была какая-то цель... которая могла прожечь ее насквозь.

ГЛАВА 2

О мирном сне Стелла могла уже и не мечтать: не после такого испуга, когда обжигающий взрыв фиолетовых слов потребовал ее внимания. В детстве Стелла видела слова каждый день, особенно когда мать еще была с ними. Когда девушка повзрослела, они стали появляться несколько раз в неделю. Но никогда за все годы ее наблюдения *ни одно* слово не ощущалось так, как вчера вечером. Она отчаянно надеялась, что опыт с фиолетовыми словами был аномалией, странным и диким происшествием.

Однако оставались сомнения — вагон и маленькая тележка. В основном потому, что фраза «Случилось так» для нее